

На правах рукописи

Татьяна Марьяна Григорьевна

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК НИВХОВ

(вторая половина XIX в. – нач. XX вв.)

Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Владивосток

2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель -

доктор исторических наук, профессор
Гончаров Петр Яковлевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Кузнецов Анатолий Михайлович

кандидат исторических наук, доцент
Березинский Сергей Васильевич

Ведущая организация -

Российский государственный
педагогический университет им.
А.И. Герцена

Защита состоится 30 июня 2006 г. в 12.30 часов на заседании диссертационного совета Д 005.010.01 при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Автореферат разослан «29» мая 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

 Сухачев Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема и её актуальность. Тема нашей диссертации органично вписывается в ряд работ, посвящённых отдельным аспектам традиционной культуры нивхов. Актуальность данного исследования можно обосновать, по меньшей мере, несколькими факторами. Во-первых, проблема в таком ракурсе (в большей степени лингвистическом), до настоящего времени не исследована, нет ни одной значительной работы, где бы эта тема была предметом специального монографического рассмотрения. Во-вторых, без анализа основных сюжетов проблемы медвежьего праздника трудно, да и невозможно изучить глубинные черты мировоззрения и духовности нивхов. В-третьих, анализ языка нивхского фольклорного материала способствует более широкому вовлечению этого материала не только в научные исследования, но и в учебный процесс. В-четвёртых, значение медвежьего праздника в жизни нивхов нельзя переоценить. По образному выражению Л.Я. Штернберга, медвежий праздник играл такую же роль в жизни этноса, какую в своё время играли Олимпийские игры в Древней Греции. В медвежьем празднике, как и в языке, который рассматривается в определенных исследованиях хронологических рамках, отражены и традиционная духовность, и образ мышления нивхов. В-пятых, в исследовании представлен уникальный фольклорный и языковой материал, собранный автором в последние годы, связанный с этнопсихологией народа и его нравственными ценностями.

Объект исследования. Объектом исследования является традиционная культура нивхов.

Предмет исследования. Предметом исследования выступает медвежий праздник и образ медведя в традиционной системе представлений нивхов.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Нижняя хронологическая граница исследования определяется временем поступления первых данных относительно медвежьего праздника – последние треть XIX века. Верхняя временная граница – 1960-гг. XX в., когда были проведены последние медвежьи

праздники. В настоящее время существует опыт возрождения подобных праздников, однако, они проводятся в качестве инвентарных, социальных и культурных условий и должны быть темой отдельного исследования. Кроме того, на настоящий момент опыт этого возрождения ещё слишком незначителен для того, чтобы делать какие-то определённые выводы. Территориальные рамки работы определяются местами компактного расселения и проживания нивхов – в пределах Нижнего Амура и о-ва Сахалин.

Цель и задачи исследования. Целью работы является всестороннее исследование медвежьего праздника и его атрибутов, их роли в традиционной культуре нивхов.

Из настоящей цели вытекают следующие задачи:

1. Выявить и проанализировать основные языковые знаки, связанные с медвежьим праздником;
2. На основе фольклорного материала определить образ медведя в традиционной культуре нивхов;
3. Исследовать основные функции медвежьего праздника в традиционной культуре нивхов;
4. Показать роль своеобразия миропонимания и мышления нивхов в организации медвежьего праздника;
5. Определить место медвежьего праздника в системе обрядовой культуры нивхов;

Новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что оно является системным опытом обобщения различных сюжетов, связанных с медвежьим праздником нивхов. При этом для анализа многих аспектов праздника автор широко привлекает новые факты по теме исследования, записанные от пожилых нивхов в экспедиционно-полевых условиях в самых отдалённых районах их проживания. В историко-этнографической литературе до настоящего времени было лишь несколько определений нивхского медвежьего праздника. Вероятно, это связано с тем, что он сложен по своей структуре, композиции и обрядовым компонентам. Автору также удалось записать фольклорные тексты, где образ медведя предстает в контексте

системы артефактов, раскрывающих традиционные представления нивхов о мире. При этом нивхский язык рассматривается в качестве инструмента, при помощи которого можно определить специфику и своеобразие медвежьего культа этого народа и выявить отличительные особенности в организации и проведении медвежьего праздника островных и материковых нивхов. Впервые автором были зафиксированы девять вариантов названия медвежьего праздника, существующих в нивхском языке. Данная работа может способствовать воссозданию целостной картины духовного мира народов, находящихся ещё совсем недавно на уровне кочевой цивилизации, вскрыть в их культурах, менталитете, образе жизни, мировоззрении новые пласты, новые аспекты их миропонимания и мироосмысления, взаимосвязи человека и окружающей его природы.

Практическое значение диссертации. Благодаря информантам автору удалось записать ряд аудиоматериалов на нивхском языке, где воспроизведены сказки, мифы, песни. Фольклорный материал является источником для анализа в различных областях наук: этнопедагогике, этнопсихологии, лингвистике, истории и этнографии. Не менее важно его практическое применение в процессе обучения учащихся нивхскому языку. Материал по лингвистике и этнопедагогике использовался автором в 2002-2005 гг. в ходе преподавания родного (нивхского) языка и культуры Дальнего Востока среди студентов педагогического училища коренных малочисленных народов Севера, школьного отделения (II – IV курсы). Кроме того, в настоящее время автором преподаётся спецкурс «Диалог языков и культур», в рамках которого освещаются проблемы медвежьего праздника. Также, материалы диссертации могут быть использованы при написании учебников, учебных пособий, методических рекомендаций для студентов факультета народов Севера при Дальневосточном государственном гуманитарном университете г. Хабаровска, а также в курсе лекций по культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования опубликованы автором в ряде научных статей. Диссертант выступал с докладами и сообщениями по проблеме исследования на региональных научно-

практических конференциях в 2001-2006 гг. Среди них: научно-практическая конференция в Дальневосточном государственном гуманитарном университете (Хабаровск, 21 января 2005 г.). Региональная научно-практическая конференция, посвящённая 115-летию Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева (Владивосток, 28-29 сентября, 2005 г.) VIII международная научно-практическая конференция (Санкт-Петербург, 4-7 апреля 2006 г.). Фольклорный материал и словарь медвежьего праздника обсуждался на курсах повышения квалификации учителей родного (нивхского) языка при Хабаровском краевом институте переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров (с. Богородское, 20-25 июня 2005 г.).

Источники и материалы. Помимо опубликованных работ автор привлекает источники, содержащиеся в архивах и музеях. Из них особый интерес представляет Петербургский архив с дневниками Л.Я. Штернберга (фонд № 282), в котором есть ряд записей по нашей проблеме. Во Владивостокском архиве ДВО РАН находятся материалы по всем аспектам духовной культуры народов Дальнего Востока: танцевальному творчеству, прозаическому и музыкальному фольклору, лингвистике, обрядам и обычаям и т.д. В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) хранятся подробные описи материалов выставок по декоративно-прикладному искусству малых народов Севера, которые проводились в Хабаровске, Владивостоке, Москве.

Большой интерес для работы представляют коллекции, собранные в музеях Дальнего Востока. Так, в Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова хранятся коллекции декоративного искусства нанайцев, ульчей, нивхов, собранные на Нижнем Амуре в середине 20-х годов С.В. Ивановым. Они отражают традиционную культуру Приамурья. Далее коллекции фондов пополнялись научными сотрудниками музея. Много собрано образцов по вышивке, резьбе, меховой мозаике, тиснению по бересте и т.д. Этот материал имеет большую ценность для исследователей. Из образцов традиционной культуры нивхов, хранящихся в Сахалинском краеведческом музее, интерес представляют экспонаты, отражающие

нашу тематику. Следует выделить особо ритуальную посуду (№2 2783-3, 2869, 2784, 2785, 3305, 2991-1-2). Необходимо отметить, что многие из этих экспонатов были собраны сотрудниками музея В.В. Вязовской. Среди орудий труда есть уникальные экспонаты, собранные в своё время Б.О. Пилсудским (№ 1965, 1826 и др.). Старинным научным сотрудников музея все изделия, относящиеся к медвежьему празднику, чётко классифицированы.

В Николаевском-на-Амуре краеведческом музее им. В.Е. Розова (НИКМ) можно выделить коллекцию деревянной посуды народов Приамурья (№ 133, 130, 128 и др.). В этом музее открыт отдел, посвященный культуре и искусству малых народностей Дальнего Востока, где действует выставочный комплекс, посвященный медвежьему празднику (№ 112, 1021, 26965, 2186, 246548). Наибольший интерес представляют фотоснимки, сделанные во время проведения последнего медвежьего праздника на Петровской Косе (Николаевский район) в 1967 году, а также отчет сотрудника музея Т.Н. Лещиной с подробным его описанием.

В Приморском краеведческом музее хранится уникальная коллекция деревянной посуды для медвежьего праздника, украшенная спирально-ленточным орнаментом, выполненным искусными резчиками прошлого. Коллекции этой посуды были собраны в конце XIX и начале XX вв. Б.О. Пилсудским. Её подробная характеристика и анализ художественных особенностей дан в работе В.В. Кобко «Коллекции Б.О. Пилсудского по этнографии малых народов Нижнего Амура и Сахалина в собрании музеев Дальнего Востока России».

В основу настоящего исследования также легли экспедиционно-полевые материалы, собранные автором в семи экспедициях в Николаевском, Ульском районах и на острове Сахалин в течение десяти лет в период с 1994 по 2004 год. В ходе этих экспедиций были посещены такие населённые пункты, как: Николаевск-на-Амуре, Алеевка, Нижние Пронге, Макаровка, Иннокентьевка, Половинка, Красное (Николаевский район); Богородское, Нижняя Гавань, Ухта, Кальма (Ульчский район); Оха, Ноглики, Некрасовка (Сахалинская область). Всего было опрошено более двадцати информантов, родившихся в период с 1919 по 1950 гг.

Методология и методы исследования. Философско-методологической основой исследования являются труды крупнейших этнографов: Ю.В. Бромлея, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга, Е.А. Крейновича, Ч.М. Таксами, Г.А. Отанной, и др. Эстетический и социокультурный феномен медвежьего праздника рассматривается как эмоционально-обрядовая картина смыслозначенных содержаний народного бытия и его повседневных практик. В этом ключе для нас представляют значительную методологическую ценность труды Д.С. Лихачёва, С.А. Токарева, С.М. Широкогорова, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, М.С. Кагана, А.Я. Гуревича, А.Д. Столяра и др. В работе при анализе медвежьего праздника как «мифического события» (термин К. Хобнера) учитывались философские и культурологические установки М. Элиаде, К.Г. Юнга, А.Ф. Лосева, Л.П. Потапова, С.С. Аверинцева, А.К. Байбурина, В.Н. Топорова, А.Б. Островского и др.

Основными методами исследования являются сравнительно-исторический, структурно-типологический и методы экспериментально-полевых исследований (метод включенного наблюдения, респондентский опрос).

Степень изученности темы исследования. В рамках нашей проблематики имеющаяся литература можно условно разделить на две части: этнографическую и лингвистическую. Впервые попытка объективно разобратся в сущности медвежьего праздника представлена в трехтомной монографии Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края». Основной целью данного труда было подробное описание абorigенов Амура и Сахалина: места их расселения, происхождения, хозяйственный уклад, их верования, а также некоторые стороны духовной культуры. Л.И. Шренк в третьем томе своей работы подробно описал проведение медвежьего праздника нивхов в амурском селе Тебах. Большой интерес представляют зарисовки атрибутов этого праздника, ритуальная посуда, собранная автором в качестве музейных экспонатов. Другой выдающийся ученый – этнограф Л.Я. Штернберг исследовал общественный строй амурских и сахалинских нивхов и изучил их язык. Большой вклад он внёс в сбор и изучение фольклорного материала, где отражены поверья, связанные с медведем. В своих исследованиях он тоже подчеркивал огромную роль

медвежьего праздника в жизни нивхского этноса. В последствии Ч.М. Таксами, изучив классификацию фольклорного материала, предложенную Л.Я. Штернбергом, определил шесть жанров – на эту классификацию в своей работе будем опираться мы. Известный исследователь абorigенов острова Сахалин и современник Л.Я. Штернберга – Б.О. Пилсудский – испытывал большое уважение и проявлял интерес к саамобытной культуре нивхов. К сожалению, наследие этого учёного до сих пор полностью не изучено. В материалах его исследований можно обнаружить интересные записи фольклорных произведений по интересующей нас теме, хотя специально исследованием праздничных ритуалов нивхов Б. О. Пилсудский не занимался.

В дальнейшем нивхский фольклор был в сфере научных интересов таких ученых-этнографов и лингвистов, как Е.А. Крейнович, В.М. Санги, Ч.М. Таксами, Г.А. Отанна, Л.Б. Гашилова. Наиболее полно тема медвежьего праздника нашла отражение в исследованиях Е.А. Крейновича и Ч.М. Таксами, хотя и они тему медвежьего праздника не рассматривали монографически.

В современной этнографической литературе принято выделять спорадический праздник, т.е. праздник по случаю удачной охоты на медведя, и периодический, по случаю убоя зверя, выращенного в селении. Такой праздник проводился обычно зимой. Праздник по случаю удачной охоты исследователи справедливо считают вторичным по отношению к периодическому.

Интересные сведения о медвежьем празднике у других народов можно встретить в работах С. В. Березницкого, Т.Д. Булгаковой, Г.М. Василевич, Б.А. Васильева, И.А. Лопатина, Ф.А. Дербёка, С.В. Иванова, В.И. Циниус, В.М. Латышева, Т.П. Рощи, Н.А. Мамчевой, В.В. Подмаскина, Ю.А. Сема, Т.Ю. Сем, С.В. Скоринова, А.В. Смоляк, Н.А. Соломоновой, А.Ф. Старцева, А.Ф. Анисимова, Н.Н. Харузина, З.П. Соколовой, Ю.И. Шейкина, А.С. Киле, Н.П. Рудь и др. Эти исследования помогают наиболее полно понять смысл данного ритуала.

Из англоязычных авторов отметим только те работы, в которых есть отдельные сюжеты о медвежьем празднике, как в фактологическом плане, так и в теоретическом

русле¹. Среди работ японских этнологов, характеризующих духовную культуру айнов, есть ряд трудов, в которых для сравнения приведены оригинальные факты по зрелищной культуре нивхов. Отметим монографию Эмори Сусуму «История айнов»², в которой специально выделен раздел «Медвежий праздник» и в сравнительно-сопоставительном анализе даны сюжеты о нивхах и айнах³.

В отдельную группу можно отнести литературу, посвященную нивхскому языку, который мы рассматриваем как специальный и очень ценный источник. Л.И. Шренк первым обратил внимание на своеобразие нивхского языка, и хотя он внес этот язык в группу «палеоазиатских» языков, куда также вошли языки алеутов, айнов, ительменов, коряков, чукчей, эскимосов и кетов, его можно считать «палеоазиатским» лишь условно, так как нивхский язык не имеет с вышеперечисленными языками ничего общего. Первой серьезной работой по изучению нивхского языка стали опубликованные в 1900 году «Образцы материалов по изучению гияццкого языка и фольклора» Л.Я. Штернберга. В ней автор представил оригинальный нивхский текст с подробными грамматическими примечаниями и фонетическим очерком. Труды Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга послужили основой для дальнейшего изучения нивхского языка.

В советский период начался процесс более углубленного и тщательного исследования разделов нивхского языка. Благодаря Е.А. Крейновичу была создана «Фонетика нивхского языка», в которой рассмотрены классификации гласных и согласных звуков. Определены основные закономерности чередований начальных согласных звуков имен существительных и глаголов. В 60-е годы вышло два тома «Грамматики нивхского языка», автором которых является В.З. Панфилов. В своих трудах он подробно рассмотрел грамматические категории имени существительного и

глагола, сложную систему числительных, определил разряды местоимений и изучил способы словообразования. Наряду с этими трудами вышли «Русско-нивхский» и «Нивхско-русский» словари. Их авторы Савельева В.Н. и Таксама Ч.М. впервые представили в них обширный материал, охватывающий основные области материальной и духовной культуры нивхов. К сожалению, до настоящего времени нет словаря диалектных отличий, а также обобщенного материала исследований в этой области. Тем не менее, весьма важно то, что в изданные словари вошло большое количество терминов, прямо или косвенно связанных с темой медвежьего праздника.

Также, кроме Е.А. Крейновича и В.З. Панфилова, значительный вклад в исследование нивхского языка внесли М.Н. Пухта, Ч.М. Таксама, В.М. Санги, Г.А. Отвина, Л.Б. Гашилова. Благодаря их исследованиям, были детально разработаны фонетика, грамматика, отдельные разделы морфологии. Но проблема определения генетических связей нивхского языка с другими языками осталась нерешенной. Для нашей работы принципиально важно то, что нивхский язык признан не только древним, но и весьма устойчивым, почти свободным от искажений. Это обстоятельство даёт нам право рассматривать нивхский язык в качестве важного источника, где запечатлены традиционные представления о человеке и окружающем его мире. При этом перечисленные исследователи не раз описывали медвежий праздник и прилагали словарь терминов этого обряда. Так, например, Е.А. Крейнович к своей работе «Нивху. Загадочные обитатели Сахалина и Амура» в качестве приложения дал достаточно подробный словарь-указатель на сахалинском диалекте. Анализ терминов этого словаря в сравнении с терминами амурского диалекта помогает определить своеобразие, общие и отличительные черты в обряде медвежьего праздника.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих параграфы, заключения и приложения со списком использованной литературы, иллюстративным материалом и словарем терминов медвежьего праздника.

¹ A. Irving Hallowell. Bear Shamanism in the Northern Hemisphere// American Anthropologist, 1926, vol. 28, # 1, p. 1 - 175.
His Shulka. Our Ancestors. Thingi Oral Narratives. Classics of Thingi Oral Literature edited by Nora Marks Dauenhauer and Richard Dauenhauer. Univ. of Washington, Seattle and London, Second printing, 1988, p. 167 - 193.

² Austerlitz R. Gilyak religious terminology in the light of linguistic analysis// The transaction of the Asiatic Society of Japan. Tokyo. Third Series.

³ Юмартэ: элвиски о медвежьем празднике в районе Камискава. - Токио, 1985.

⁴ Эмори Сусуму. История айнов. - Сансеёдо, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность проблемы, ставится цель и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки, освещаются методы сбора и анализа материала, раскрываются методология и методы исследования, обосновываются новизна, практическая значимость, указывается структура исследования, анализируются источниковая база и степень изученности темы.

В первой главе исследуется терминология и символика медвежьего праздника и её использование в фольклорных текстах. Это исследование необходимо для воссоздания полной картины медвежьего праздника в том виде, как его воспринимали сами нивхи. Мы исходим из того, что это важно при изучении объекта духовной культуры, который существует в мире сознания и отражает природную реальность, а не копирует её.

Во втором параграфе данной главы мы, прежде всего, рассматриваем основные языковые знаки, связанные с образом медведя и медвежьим праздником. На основе сопоставления амурского и сахалинского диалекта показано, что лексика, связанная с местом жертвоприношений и хранения черепов медведя, представлена относительно сложными лексическими единицами языка. Анализируя тематическую группу слов, используемую при проведении медвежьего праздника, автор отмечает изобилие устойчивых словосочетаний. Часть этих словосочетаний отсутствует в словаре, и они являются трудно переводимыми. Их значение можно узнать только у информантов старшего поколения. В имеющейся специальной литературе по нивхскому языку не переданы некоторые смысловые нюансы устойчивых словосочетаний. Так, например, выражение *Котр тые* – *тые узудь* – ходить по гостям с медведем отличается от *тыфты ныр видь* – идти в гости. Глагол *узудь*, по всей вероятности, произошёл от глагола с местоименным показателем объекта *юдь* – опуститься (например, *Кен юдь* – солнце село, т.е. опустилось).

В параграфе выделена основная специальная терминология, создающая лингвистический фон медвежьего праздника. Например: *веселить* – *кырзудь*,

веселить медведя – *котр зускудь*. Снимать шкуру – *исфь*, с медведя – *котр лырьфь*; превратиться (изменить облик) – *мекдфь*, превратиться в медведя – *котр тугудь*; убить – *мдфь*, убить медведя на охоте – *котр лыйдфь*; убийство же медведя на празднике называлось *на валудфь* (буквально – зверя свалить) и т.д. Подобная терминологическая обособленность, «выделенность» медвежьего праздника из контекста повседневной жизни рассматривается как свидетельство того, что ему придавалось невероятно большое значение, и он выходил далеко за рамки обыденной повседневной деятельности. Наиболее фундаментальным явлением подобного рода являются случаи, когда термины медвежьего праздника служили источником названий некоторых нивхских родов. Так, например, от существительного *леги* – помост для головы медведя, появилось название рода *Лезигри*, от *налю* – священное место – *Нанюем*. Кроме того, от терминов праздничного ритуала можно было образовать и имёна собственные, как мужские, так и женские.

В диссертации впервые выявляются и анализируются девять вариантов названия медвежьего праздника и особенности грамматических конструкций, используемых для описания его отдельных моментов и понимания его глубинной сущности:

1. *чхыме нымд* – делить медведя (сах.д.)
2. *чхыме вэсэагнит* – лечить медведя (сах.д.)
3. *чхыме лызьлизимит* – поправить, наладить медведя (сах.д.)
4. *котр нымд* – делать медведя (ам.д.)
5. *котр лырьфь* – играть с медведем (ам.д.)
6. *котрхыр тымыздь* – работать с медведем (ам.д.)
7. *чхыме лердь* – медведь играет или медвежья игра (ам.д.)
8. *му ныкх тыло озут* – подлить душу умершего человека (сах.д.)
9. *нарк.мунид* – злыми становиться (сах.д.)

При их сопоставлении выявлено, что, хотя смысл праздника подразумевает отношение к медведю как к живому существу, в ряде грамматических конструкций медведь, по сути своей, приравнивается к неодушевлённому объекту. На наш взгляд, разрешить данное противоречие можно, если предположить, что во время проведения

обрядового действия медведь становится просто плотью, оболочкой. Именно эта оболочка и является предметом «игры», в то время как дух медведя взирает на происходящее со стороны, с ним можно соприкоснуться, но им нельзя овладеть. Это — вечная, неизменная константа, вокруг которой вращается всё действие.

В целом, мы видим, что лексика, связанная с медвежьим праздником и культом медведя, изобилует устойчивыми словосочетаниями, терминами, часть которых имеет древнее происхождение. Данная устойчивость наиболее выражена при описании отдельных ритуальных и обрядовых действий. Но, несмотря на свою древность, эта устойчивость не абсолютна. В вышеприведенной в качестве примера лексико-грамматической группе заметно явное диалектное и говорное различие. С нашей точки зрения, это можно объяснить многофункциональностью и многозначностью описываемого этими терминами явления. Вероятно, в различных культурных контекстах могли актуализироваться разные смыслы совершаемых действий, что отразилось в различных ассоциативных рядах, формирующих их языковое описание.

Разумеется, знаково-символическое оформление праздника не ограничено только специальными словесными знаками. В качестве своеобразных символов праздника выступают различные ритуальные предметы, используемые в процессе его проведения. Прежде всего, это ритуальная посуда. Выделение данных предметов в качестве особых символов медвежьего праздника обусловлено двумя факторами. Во-первых: за пределами данного праздника они практически не использовались. Во-вторых: они в наибольшей степени связаны с орнаментальным и изобразительным творчеством, подчёркивающим их знаково-символическую природу. Выступая в качестве особых сакральных символов, эти предметы, возможно, вводили сознание участников обряда в иную реальность, перестраивая их мышление и мировосприятие, подготавливая их к восприятию проводимой церемонии. Символическая обособленность материальных атрибутов достигается и за счёт конкретных образов, не подвергнутых стилизации. При этом изображение медведя могло включаться в более сложный контекст. Основные идеи этой символики связаны с деятельностью охотника, выделяют её кульминационные моменты, прославляют те личные качества,

которые ведут к достижению желаемой цели и формируют желание быть более удачливым.

Мы видим, что на медвежьем празднике с образом самого зверя (медведя) гармонично соединились образы птиц, деревьев, жаб и т.д., которые выполняли определенные символические функции, несли в себе важную информацию об обычаях и традициях нивхов. Можно предположить, что эти символы, участвуя в обряде медвежьего праздника, должны были усилить позитивное значение, роль самого обряда в жизни нивхов (усилить связь с миром духов).

Можно с уверенностью заключить, что сущность медвежьего праздника выражена как в специальных, так и в универсальных терминах и символах, которые имеют значение для всей нивхской культуры в целом. Это говорит о том, что исследуемое явление, хоть и является важной, самодостаточной единицей, все же неразрывно связано с другими элементами традиционной культуры нивхов. В этом своём качестве данный праздник отражал философию восприятия мира, способствовал вызреванию нравственных, эстетических и религиозных представлений нивхского этноса. Кроме этого, медвежий праздник формировал в течение долгих веков, в значительной степени, и этнический образ (включая механизм самоидентификации), и национальный характер самих нивхов.

Второй параграф данной главы посвящён исследованию отражения медвежьего праздника в фольклорных текстах, где рассмотрены ранее смысловые единицы предстают в сложной системе взаимосвязей. Но не все виды фольклора одинаково информативны. Их сопоставление показывает, что совокупность существующих у нивхов *тылуно* и *керино* содержит наиболее полное, детальное описание модели мира. Можно сказать, что они являлись эталоном традиционной нивхской культуры, на который ориентировались взрослые члены сообщества, создавая новые виды фольклора.

В фольклорных текстах этих жанров дается объяснение, каким образом отдельные роды произошли от медведя, и рассказывается, как этот зверь оказывает покровительство всему роду или отдельным его представителям. Сама семантика

мыльга выстроена так, что уводит слушателя в иную реальность – как это и происходит в медвежьих ритуалах. Эта особенность проявляется в безличных предложениях: *хожук хужке, котр ниеху мыль...* «Так, жива медведи – люди пришли»; *хогор млар мыльях мык котр мыльях ...* «пока шли, уже две ноги – медвежья ноги» и т.д. В этих предложениях часто встречаются различные деэпричастия: *мыль* – прыдя, *вийшан* – следуя и т.д., что придает своеобразную стиливую окраску всему содержанию. Активное использование безличных предложений, состоящих из одних глаголов и их деэпричастных форм, придает динамизм разворачивающимся событиям. Это передается также через фонетический символизм, например: *лорх-лорх* – подражание звуку шагов по снегу. Хотя в письменном виде подобный приём выглядит несколько наивно, в живой речи (а именно в ней и функционировали фольклорные тексты) звукоподражательные слова не только передают выразительность, но и атмосферу самого действия, а также оформляют систему зримых образов, в которую включается как рассказчик, так и слушатели. В фольклорных текстах этого типа также часто используется глагол *фуру* (т.е. *фуру* – говорить, рассказывать), который является показателем пересказочного наклонения («пересказочное наклонение» – специфическая категория нивхского языка, обозначающая передачу информации с чужих слов). Таким образом, рассказчик, уточняет, что пересказывает информацию с чужих слов, с чужих уст, а не придумывает всё это сам.

На основании рассмотренных текстов можно прийти к заключению, что окружающий мир в мировоззрении нивхов предстает как мир, населенный добрыми и злыми духами. При этом образ медведя является воплощением покровительства, помощника человека или героя, к тому же, иногда человек в образе медведя может одолеть злых духов. Конечно, главному герою могут оказывать помощь и хозяева стихий, и даже необычные предметы-покровители. Но эта помощь имеет более казуальный, разовый характер – здесь мы не видим системы сотрудничества, передаваемой через поколения. В этом отношении фольклорный образ медведя уникален.

В целом, анализ нивхского фольклора, показывает, что животные, по мнению нивхов, как правило, объединены в клановые структуры, подобные нивхским родам. И, прежде всего, это относится к медведям. Из этих представлений органически вытекает основная концепция медвежьего праздника. Согласно ей каждый род нивхов состоял в особых связях с родом *лал ниах* (горных людей или медведей). Этот род периодически посылал своих представителей-медведей к нивхам, чтобы они могли взять их мясо. При правильном обращении нивхов с душой медведя – *мысхи*?, она оставалась живой и с подарками возвращалась в свое селение, чтобы снова обрести мясом.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что образ медведя насыщён самыми разнообразными смыслами, и каждый аспект нивхского фольклора отражает особое отношение к медведю в процессе повседневной деятельности.

Вторая глава «Медвежий праздник как обрядовая система» посвящена рассмотрению конкретной проблемы: каким образом исследованные ранее терминны, образы, символы и представления функционировали в контексте живой культуры.

Первый параграф второй главы посвящён анализу обрядовых действий в период медвежьего праздника. Мы исходим из того, что устройство медвежьего праздника у нивхов не ограничено строгими временными рамками. Исследователи выделяют лишь примерный период, который колеблется в широких пределах от семи дней до одного месяца. Л.И. Шренк считал, что праздник длится до тех пор, пока еще имеются запасы медвежьего мяса и сала. Размытой представляется и нижняя временная граница, связанная с началом праздника. Строго говоря, началом ритуального действия может считаться уже сам процесс взращивания и подготовки медведя, который длился три года (для медведя-самца) и четыре года (для медведицы). Таким образом, временные границы праздника, как и время его проведения не считаются принципиальными, они несколько размыты. Праздник постепенно и органично вырастает из повседневной жизни, и, как мы увидим далее, так же постепенно в неё уходит.

Во время взращивания медведя само животное не имело ярко выраженного культового значения. И всё же, это был не просто зверь, он определённым магическим

образом уже состоял в родстве с человеком. Сначала эту связь трудно заметить, это становится очевидным, если рассмотреть процесс выращивания медвежонка в более широком культурном контексте. Лишь только в период проведения медвежьего праздника образ зверя приобрел ритуальный характер. Медведь стал являлся центральной фигурой всего разворачивающегося действия.

В работе анализируются в хронологической последовательности шесть определённых этапов медвежьего праздника, впервые выделенных Ч.М.Таксами. На основе этого материала показано, что медвежий праздник являлся мероприятием, требующим для своего проведения организованных и согласованных действий всех представителей рода, обязанности которых определялись традиционным половозрастным делением. В этом своём качестве медвежий праздник работал на консолидацию родовой организации и поддержание её структуры.

В ходе всего праздника особое значение придавалось голове медведя. Исследователи по-разному рассматривают связанные с ней обрядовые действия, но все этнографические материалы свидетельствуют об особой, исключительной заботе, которую хозяин медведя проявлял к черепу животного. Вероятно, с остатками тотемических представлений связаны различные запреты, прежде всего главное правило, согласно которому мясо медведя могли есть только представители рода зятёв, т.е. чужеродцы.

Важная информация по культуре медведя содержится и в описании обряда проводов гостей. Интересно, что в разных источниках отдельные элементы этого ритуала могут отличаться. Их сопоставление позволяет понять основную идею обряда, суть которой состоит в демонстрации духам своей верности, стремлении «сохранить лицо» перед ними. Следует обратить внимание на использование еловой ветви в обряде проводов гостей. Вероятно, здесь ель важна как символ своеобразного очищения и как посредник между различными мирами.

Не только в символическом, но и в обрядовой системе принципиально значимым оказывается коллективизм совершаемого действия. По данным исследователей и по сведениям информантов, старейшие члены рода были заняты исполнением ритуала,

связанного с убоим медведя и посланием его мяса. Женщины готовили пишу для угощения, причем приготовление большинства блюд было трудоемким процессом и занимало много времени. Молодежь заготавливала дрова, которые сжигались в дни праздника в большом количестве.

Диссертант считает, что кроме обозначенных предыдущими исследователями шести этапов, в медвежьем празднике нивхов следует выделить ещё один, и весьма важный. Это встреча почётных гостей – *нирк и'ум ку*. Совершаемые во время встречи действия были строго регламентированы в соответствии с общими особенностями медвежьего культа. Рассмотрев подробно каждый из этапов медвежьего праздника, трудно не заметить, что он состоит из определенного количества других обрядов, которые логично и гармонично вливаются в один большой церемониал. Во всех обрядах отражено древнее мировоззрение нивхов. Исходя из этого мировоззрения, душа медведя выступает посланником от людей в другой мир - мир духов - хозяев стихий, в частности, хозяйна гор (леса). Кормление медведя, вождение его по определенному пути (из дома в дом, к проруби) совершается с целью, чтобы его душа рассказала хозяйну – *лал азу* как живут в этом мире люди. Но, помимо чисто ритуального действия, медвежий праздник был поводом для решения различных промыслово-хозяйственных вопросов (совместная рыбалка и охота, торговые операции и т.д.), которые имели немаловажное значение для дальнейшей жизнедеятельности людей, родов.

В сравнительном аспекте мы видим, что, являясь центральным звеном всей этнической традиции, медвежий праздник имел неповторимые, устойчивые черты в различных регионах проживания нивхского этноса. Но при этом можно отметить, что амурские нивхи несколько упростили церемониал.

Во втором параграфе «Основные атрибуты и элементы медвежьего праздника» рассматривается роль используемых в ходе обрядового действия атрибутов и элементов, образующих своеобразный фон, на котором разворачиваются описанные ранее ритуалы. Игра на музыкальном бревне, спортивные игры и состязания, песенный и танцевальный компоненты праздника являлись его неотъемлемой частью.

Названные элементы выступали в качестве структурообразующих компонентов, которые «встраивают» медвежий праздник в систему традиционной культуры. Атрибутами медвежьего праздника принято считать комплекс ритуальной площадки, амбар для хранения черепов, музыкальное бревно и т. д. Некоторые из этих обрядовых атрибутов и элементов сохраняют своё значение и после проведения самого праздника. Таким образом, происходит смещение обряда за его временные пределы, что накладывает своеобразный отпечаток на всю традиционную нивхскую культуру.

Анализ функционирования нивхских фольклорных текстов необходимо проводить в контексте изучения этнической культуры в целом. Особенность этого функционирования в том, что фольклор вбирал в себя множество образов и символов, точное значение которых представляется возможным «прочитать» только при обращении к верованиям, связанным с медведем.

Эффективным средством традиционного воспитания молодого поколения являлись игры и состязания, проводимые во время праздника, где они наполнялись особым смыслом, который в менее выраженной форме сохранялся и вне самого ритуала. С другой стороны, игры и состязания формировали позитивный эмоциональный фон в ходе исполнения строгого древнего обряда, насыщали его положительными чувствами. В результате, во многом, благодаря именно медвежьему празднику, все игры и состязания передавались из поколения в поколение, что способствовало усвоению позитивного опыта, накопленного предками.

Все перечисленные компоненты праздника можно условно разделить на два вида, в которых актуализируются два различных жанрово-стилевых направления. Первое направление связано со стремлением к вечной гармонии, мировому порядку (к вечному возрождению промысловых животных) с жанром вокального, речевого, инструментального интонирования. Второе направление – своего рода «вакхическая мистерия», свободная от табуирования, имеющая в своей основе яркое игровое начало, связанная с исполнением песен, посвященных «жизненному пути» тотемного животного, танцев, пантомимы.

В этом параграфе рассмотрены также элементы традиционной культуры, обнаруживающие генетическое родство с некоторыми аспектами медвежьего праздника. Сюда относятся потребительный обряд; обычаи, связанные с медведем, убитым на охоте; промысловые и охотничьи культы; культ близнецов. На этом материале можно увидеть, что своеобразная обрядовая культура играла важную роль в жизни нивхского этноса. За большой исторический период она выстроилась в логичную и стройную систему ритуалов и табу. Среди всех обрядов легко можно заметить одну повторяющуюся процедуру – это обряд кормления «хозяев природы». Понять и почувствовать эту концепцию единства людей и духов – хозяев стихий нелегко, но только она способна объяснить многое в поведении нивхов в отношении медведя. В целом, мы видим, что во всех традициях и обрядах, связанных с ритуальным оформлением промысловой и охотничьей деятельности, явственно проступают отдельные элементы верований и представлений, которые во всей своей полноте видны только в процессе медвежьего праздника. Это позволяет считать, что именно медвежий праздник в целом является основной, структурообразующей единицей той ритуальной системы, которая определяла суть традиционных представлений нивхов о мире.

В *третьей параграфе второй главы* «Функции культа медведя в системе традиционной культуры» выявляется значение медвежьего праздника и образа медведя в традиционной культуре нивхов. Различные исследователи подходят к этой проблеме с разных сторон. Все высказанные предположения относительно функциональности медвежьего праздника можно свести к следующим версиям: 1) разнообразить рацион (хозяйственно-бытовая функция); 2) внести элементы торжественности в повседневную жизнь, связав праздник медведя с началом нового года (празднично-ритуальная функция); 3) закрепить в традиции отдельные аспекты семейно-брачной и похоронно-поминальной обрядности (религиозная функция); 4) способствовать социальной солидарности внутри коллектива, связей с другими родами, закрепление родового статуса внутри коллектива (социальная функция).

На наш взгляд, понять суть медвежьего праздника можно только в контексте всей нивхской культуры, с которой, как было показано, он неразрывно связан. Безусловно, система рассмотренных обрядов имеет древние корни, и связана, прежде всего, с охотничьим промыслом. Примечательно, что, несмотря на то, что традиционное хозяйство нивхов в большей степени зависело от лова ходоной рыбы, в центре самой сложной и трудоёмкой обрядовой системы стоит лесной зверь – медведь.

Генетически, культ медведя, на наш взгляд, вполне мог восходить к тотемным основаниям, о которых до сих пор сохранились представления у старейших нивхов. Первая, внешняя смысловая оболочка медвежьего праздника заключена в стремлении к тому, чтобы этот лесной зверь никогда не переводился. Однако, это – только древнейший пласт культа, который не объясняет всех его особенностей, возникших в процессе исторического становления.

Вероятно, изначально культ медведя был частью тотемной системы, именуемой классический вид и призванной освящать родоплеменную организацию. Но в дальнейшем культ медведя стал приобретать более универсальный вид, и образ медведя начал вытеснять другие тотемные символы. Распад тотемной системы в целом мог быть обусловлен распадом классических родоплеменных связей. Вероятно, ответ на вопрос о том, почему именно культ медведя получил такое развитие, кроется в особенностях охотничьего менталитета и том особом, уникальном положении зверя, которое он занимает в природной среде Дальнего Востока.

По своим физическим качествам с медведем мог соревноваться только тигр. Однако, тигр, в отличие от медведя, хищник злобный. Всякая символика представляет собой отражение основных идей и ценностей своих носителей и, вполне вероятно, что исторический выбор между символом медведя и символом тигра означает ориентацию традиционной культуры в сторону мирного существования, отрицания агрессии при потенциальной готовности дать отпор обидчику. Этот выбор более или менее типологичен для всех народов Нижнего Амура и Сахалина, но из общего ряда медвежьих церемоний амуро-сахалинский или нивхский обряд в большей степени, чем

чей-либо, обладает самобытностью и носит столь ярко выраженный универсальный характер – он охватывает все аспекты материальной и духовной культуры.

Обретение подобной универсальности и позволяет изучаемому явлению в процессе своего действия реализовывать самые различные функции. Такие подсистемы духовной культуры нивхов, как музыкальный, песенный и устный фольклор, многие из которых связаны с медвежьим праздником, черпают из него многочисленные образы и сюжеты. В этом отношении медвежий праздник создавал своеобразное образно-поэтическое поле, обращаясь к которому, повествователь мог быть уверен, что слушатели поймут его без лишних объяснений. Наличие этого общего культурного фона, понятного всем нивхам, делало возможным минимизировать используемые художественные средства и сделать повествование максимально выразительным.

При всех своих генетических трансформациях, медвежий праздник сохранил одну важную черту: он выступал в качестве своеобразного коммуникативного поля. Каждый этап медвежьего праздника был насыщен разнообразной культурно значимой информацией более, чем любое другое действие традиционной культуры нивхов. Частично эта информация была закодирована в графических символах: это та орнаментальная резьба, которая присутствовала на ковшах, ложках, посуде, украшении медвежьей головы, в узорах праздничной одежды. Частично эта информация была закодирована в самом языке, как было показано в первой главе: медвежий праздник чрезвычайно насыщен древней и очень устойчивой терминологией. С этой терминологией неразрывно связан уникальный лексический пласт нивхского языка – всё это так же чрезвычайно информативно в отношении понимания традиционных представлений о человеке и мире.

В просторстве медвежьего праздника происходила коммуникация не только между людьми и духами, но и между самими людьми. Это была коммуникативная связь между родами и между поколениями внутри рода. Именно на успешное осуществление этой связи работала и сложная символическая система, органично встроена в традиционную культуру нивхов, включая в себя ритуально-обрядовую,

музыкально-эстетическую и, в конечном счёте, даже хозяйственно-бытовую стороны жизни.

Во время проведения медвежьего праздника ярко проявлялся дух коллективизма. Проанализированный нами механизм сложных ритуальных взаимодействий формально был нацелен на магическую функцию обряда, но, реально, он формировал своеобразное матричное поле, в котором могли быть эффективно решены серьезные проблемы межродовых отношений. В ходе обрядовых действий старшейины рода, проводящего праздник, определяли жизнеспособность рода тестей, его благосостояние и могущество, что было важным для дальнейшего развития отношений между родами. Не случайно то, что совершение обряда было невозможно без участия представителей рода зятьев.

Кроме того, праздник задавал определённую коммуникативную парадигму гендерного общения, чётко разграничивая права и обязанности мужчин и женщин, регламентируя способы их поведения.

Немаловажной является нравственно-воспитательная функция медвежьего церемониала, обеспечивающая преемственность через воспитание нового поколения, которое усваивало основные традиционные нормы и принципы нивхской народной педагогики. Медвежий праздник служил важным катализатором для социально значимого творчества, которое находило своё отражение в искусно вырезанных ковшах, чашах, ложках, в орудиях промысла, стрелах, ножах. Творческий потенциал раскрывался и в женском искусстве: халатах из рыбыёй кожи (обязательном наряде для ритуального танца), фольклоре, вариантах приготовления ритуальных блюд, в танцах и речитативах.

Таким образом, медвежий праздник можно считать важнейшим фактором формирования этнического мировоззрения и характера этноса в целом. Он способствовал выработке ряда социально значимых качеств, без которых в конкретных природных и исторических условиях было невозможно выжить.

Коммуникативная сторона праздника имеет почти в равной степени социальный и психологический характер. Помогая преодолеть личные переживания, медвежий

праздник задействовал весь коллектив и, безусловно, способствовал укреплению его социальной солидарности.

Вместе с тем, жесткая фиксация социальных взаимодействий приводит к достаточно раннему вытеснению тотемизма культом предков. В том варианте медвежьего праздника, в котором он существовал в XIX веке, можно говорить лишь об отдельных тотемистических элементах, вытесненных на периферию традиционной культуры. Это мнение основано на том, что в религиозной практике (т.е. культах, ритуалах, обрядах) нивхов ближайшие умершие предки играют более значимую роль, нежели мифические первопредки. А всяки с циклическим характером жизнедеятельности, обряды природного цикла более важны, нежели обряды жизненного цикла типа инициации, на которых обычно строится тотемистическая модель. Тотемистические модели при этом не исчезают полностью, но претерпевают самую причудливую трансформацию.

Таким образом, можно предположить, что специфика социальных взаимодействий в контексте повседневной деятельности придаёт определенную уникальность представлениям о медведе и медвежьему празднику нивхов. При этом образ медведя совмещается с образом антропоморфных предков, но не растворяется в нём полностью. Наиболее ярко это проявляется в том, что медведь, сохраняя отдельные черты тотемного предка, зачастую одновременно замещает собой умершего родственника.

Заключение содержит выводы и обобщения относительно специфики медвежьего праздника и образа медведя в традиционной культуре нивхов.

В целом, изучение обрядовой культуры медвежьего праздника, в котором гармонично сочетаются социокультурные традиции нивхского этноса, неопровержимо доказывает его главное и центральное положение в общей системе. Вероятно, возрождение медвежьего праздника в новых условиях уже невозможно – из-за необратимых изменений миропонимания. Но сам процесс его исследования и понимания помогает включить медвежий праздник, его отдельные атрибуты и элементы в духовную культуру современных нивхов.

Языковые материалы, собранные в местах проживания нивхов Нижнего Амура, Ульчского района и Сахалина, отражают диалектные и говорные отличия в обряде проведения медвежьего праздника. Однако, суть этого действия и его сакральный смысл не претерпели существенных изменений.

Медвежий праздник своими корнями уходит в самый ранний период формирования духовных истоков нивхского этноса. Параллельно с ним и, во многом, под его влиянием происходило сложение орнаментальных знаков и символов, зарождалась и развивалась театрально-зрелищная культура, песенно-хореографическое и декоративно-прикладное искусство и т.д. Танцы и орнамент медвежьего праздника отражали своеобразное видение мира нивхов, а через музыку и песни, так же, как и через ритуал, выражалась мысль о единстве с природой – основополагающая для черт мифологического сознания.

Сам праздник предстает перед нами гармонично выстроенным обрядовым действием, в котором нашли отражения и древний культ животного, и междоусобные отношения. Все это дает основание предположить, что нивхский медвежий праздник занимает важное место во всей системе обрядовой культуры.

Образ медведя в традиционной нивхской культуре имеет все основные черты тотемного предка, но не сводится только к нему. Медведь выступает в роли не только группового, но и индивидуального покровителя; он не только защищает отдельный род, но и является носителем высшей моральной справедливости. Выступая в роли помощника, медведь, в то же время, сам нуждается в бережном обращении – в этом смысле он является не столько «грозным карающим божеством», сколько старшим товарищем, которому следует оказывать дань уважения. Он выступает в качестве «человека», представителя другого, более могущественного, но родственного и дружественного рода. Медведь силен, но не всемогущ, он нуждается в людях почти так же, как и они нуждаются в нём.

В процессе организации медвежьего праздника проявляются такие универсальные свойства миропонимания нивхов, как единство с природой, стремление к гармонии,

коллективизм, отрицание разрушительных проявлений и агрессии, представления о вечности души, которая путешествует между мирами.

Таким образом, медвежий праздник представляет собой полифункциональное явление, объединяющее элементы материальной и духовной культуры. В качестве первой выступает организация хозяйственной деятельности (как было указано в работе, на медвежьем празднике решались многие хозяйственные вопросы между родами) и гарантированное обеспечение людей медвежьим мясом. В ходе праздника создавались определённые условия для совершенствования хозяйственно-бытовых навыков (для девушек и юношей). К духовной культуре можно отнести поддержание в сознании людей особенно, подрастающих поколений, важных нравственных представлений; поддержание внутренней социальной иерархии как доминирующей ценности; развитие песенных и музыкальных жанров.

Исследованный материал позволяет определить медвежий праздник (в его окончательном виде, в котором он оформился не позднее XIX века) как систему обрядовых действий, основанных на сочетании концепций культа предков с тотемистической символикой. Сущность медвежьего праздника выражена в универсальных символах, несущих на себе отпечаток представлений и ценностей традиционной нивхской культуры. Среди них можно выделить, как основные, представления о взаимных правах и обязанностях, которые связывают всеядно всё живое; недопустимость любых проявлений агрессии внутри рода; почитание старших и забота о младших. Все эти черты, характеризующие этническую толерантность нивхов и в начале XXI века, весьма важны для культуры народов Приамурья и Сахалина.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Тэмина М.Г. Душа медведя на пути к своему хозяину// Словесница искусств №16, 2005. – с. 63 – 72.
2. Тэмина М.Г. Медвежий культ в фольклорной традиции нивхов// Материалы VIII международной научно-практической конференции «Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности». – СПб., 2006. – с. 519 – 522.
3. Тэмина М.Г. Нивхский язык. – СПб.: Образование, 1997. – 15 с.
4. Тэмина М.Г. Осипова М.В. Медвежий праздник нивхов и айнов (сравнительно-сопоставительный аспект)// Записки Гродековского музея. Выпуск 12. – Хабаровск, 2005. – с. 133 – 137.
5. Тэмина М.Г. Отражение медвежьего культа в фольклорной традиции нивхов// Записки Гродековского музея. Выпуск 12, 2005. – с. 133 – 137.
6. Тэмина М.Г. Практикум по нивхской грамматике. – Хабаровск: ХК ИППК ПК, 2005. – 40с.
7. Тэмина М.Г. Словарь медвежьего праздника нивхов. – Хабаровск, 2006. – 19 с.